

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Б.Н. МИРОНОВ

Развитие гражданского общества в России в XIX–начале XX века

Как темперамент не зависит от сознания, так и образ правления не зависит от общественного мнения.

В. Ключевский

Применительно к России эту мысль великого историка я рассматриваю как аксиому, не требующую доказательств. Мы срослись с нею и поверили в нее настолько, что даже не сомневаемся в ее правильности. Но так ли она верна, как мы привыкли думать? Для того чтобы проверить это, представлю несколько определений многозначных понятий, которыми в дальнейшем буду пользоваться.

Гражданское общество – общество, основанное на политических свободах и праве, с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, не зависимое от государства, но взаимодействующее с ним. Оно имеет три важнейших признака: 1) *плюрализм* – сосуществование различных идеологий, многочисленных и разнообразных общественных организаций, выражающих различные групповые интересы; 2) *консенсус* базовых ценностей между идеологиями и организациями, несмотря на конкуренцию и конфликт интересов; 3) *наличие механизма для мирного разрешения социальных конфликтов*, обеспечивающего передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, а также контроль за их исполнением, благодаря чему общественные противоречия и конфликты между обществом и государством разрешаются не силовым путем, а через обсуждение. Когда гражданское общество в основных чертах сформировано, ни личность, ни общество не противостоят государству, так как государство является частью общества и находится под его контролем. Пока же гражданское общество зарождается и формируется, то общество в лице его наиболее образованной и социально развитой части находится в оппозиции к государству, предлагает реформы и подталкивает к ним. В силу этого *элементы гражданского общества* – те социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, образовывали в России обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную официальной власти, но в то же время легитимную, то есть признаваемую государством и всем обществом, и оказывали влияние на официальную власть разными способами, но главным образом посредством общественного мнения [Витюк, 1995; Политология... 1993, с. 75–78; Романенко, 1995].

Миронов Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

**Численность и социальный состав чиновничества России в XVII–начале XX в.
(без Польши и Финляндии)**

	1690-е	1755 г.	1796 г.	1857 г.	1880 г.	1897 г.	1913 г.
Всего чиновников (тыс. чел.)	4,66	12,0	21,3	119,3	129,0	144,5	252,9
в том числе (в %)							
канцеляристы	...	62	26	26	...	30	...
классные чиновники	...	38	74	74	...	70	...
из дворян	14	22	33	34	...	26	...
из помещиков	8	36
из чиновников	49
из духовенства	30	5
из кушцов	7	1
Население (млн чел.)	12,0	21,1	37,4	59,3	92,1	116,2	155,4
Число чиновников на 1000 чел. населения	0,39	0,57	0,57	2,01	1,40	1,24	1,63

Источник [Миронов, 2003, с. 200].

Под **общественным мнением** буду иметь в виду артикулированное и агрегированное отношение общества к актуальным проблемам жизни своего народа и государства [Энциклопедия... 1926, с. 77–81]. Понятие возникло в Англии в конце XVII в., в ходе XVIII в. оно стало общепринятым в основных странах Запада. В России такое представление об общественном мнении было воспринято в последней трети XVIII в., но сам термин начал употребляться позже, например в донесениях тайной полиции – в 1830–1840-х гг., в прессе – в 1850-е гг. [Милуков, 1995, с. 337; История... 1980, с. 572–574]. Гражданское общество – либерально-демократический социальный идеал, который, как всякий идеал, никогда не может быть реализован в полной мере; социумы лишь в большей или меньшей степени к нему приближаются.

Понятие **общественность** обозначает социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, оказывающие влияние на официальную власть, с мнением которых она считалась и учитывала при проведении политики [Гольцендорф, 1881].

Образованное общество – писатели, журналисты, люди умственного труда, общественные деятели, увлеченные осмыслением общественной жизни страны, имевшие свое мнение и тем или иным способом его выражавшие. Хотя нередко случалось, что образованное общество охотно принимало в свою среду либерально мыслящих чиновников, причастность к государственной службе до некоторой степени проводила границу между обществом и государством, особенно до середины XIX в.

Интеллигенция – та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к режиму.

Социализация – процесс социального взаимодействия, в ходе которого культура общества (взгляды, мнения, система ценностей, образцы поведения) передается детям.

Субъект государственного управления – частное или юридическое лицо, которое властвует, управляет, принимает решения или влияет на принятие решений.

Опоры государства: бюрократия и армия

Гражданское общество – это взаимодействие государства и общественности. Материальную силу того и другого можно условно оценить в человекосилах. Государство – это бюрократия и армия. В таблице 1 представлены данные, более или менее соответствующие определению чиновничества как совокупности профессионалов, находившихся на государственной службе и занятых непосредственно государственным управлением.

Численность российской регулярной армии в 1680–1913 гг.

	1680 г.	1725 г.	1764 г.	1801 г.	1850 г.	1897 г.	1913 г.
Численность армии (в тыс. чел.)	164	210	226	379	1118	1133	1320
Численность населения (в млн чел.)	10,2	16,0	23,7	38,8	57,1	125,7	159,0
Число военных (в %)	1,6	1,3	0,95	0,98	1,96	0,89	0,83

Источник [Миронов, 2003, с. 210].

Как можно интерпретировать данные таблицы № 1? Увеличение доли чиновников относительно населения служит признаком усиления государственного аппарата и его роли в управлении; наоборот, сокращение бюрократии – признаком ослабления ее участия в управлении страной. В XVIII–первой половине XIX в., вследствие общей бюрократизации управления, усиления крепостного режима и роста напряженности в отношениях между помещиками и крестьянами, верховная власть нуждалась в сильном аппарате принуждения и контроля, что помимо европеизации становилось дополнительным стимулом к усилению государственного аппарата. В результате отмены крепостного права и развития системы самоуправления как в городе, так и в деревне потребность государства в контроле над гражданским населением ослабла. Земства и новое городское самоуправление способствовали сокращению функции местной коронной администрации и освобождению центральных правительственных учреждений от массы дел, не имеющих общегосударственного значения. Эта цель верховной власти, проводящей реформы, в значительной мере была достигнута: относительная численность чиновников, то есть их число на 1000 человек населения между 1857 и 1897 г. сократилась. Соответственно, сфера сугубо бюрократических методов управления в губерниях и уездах сузилась, а сфера общественного самоуправления – расширилась. Опуская расчеты численности специалистов, занятых в органах общественного самоуправления, приведу результаты: в 1880-е гг. их было 320 тыс. человек [Миронов, 2003, с. 202]. Отсюда следует, что *в начале 1880-х гг. управление повседневной жизнью являлось в большей степени прерогативой самого общества, чем государства.*

Традиционное представление о всевластии российской бюрократии и вообще о сверхуправлении или переуправлении страной не соответствует реальности. Сравнение данных о численности чиновников в России и западноевропейских странах это подтверждает. На 1 тыс. человек населения в середине XIX в. в России приходилось 2 чиновника, в Британии – 4,1, во Франции – 4,8; в 1910 г., соответственно, в России – 6,2¹, в Англии – 7,3, во Франции – 17,6, в Германии – 12,6, в США – 11,3 [Менделеев, 1906, с. 67–68; Рубакин, 1912, с. 62; Rogger, 1983, с. 49]. Россия уступала западноевропейским странам по числу как чиновников, так и общественных служащих, и можно сказать, *недоуправлялась*, как выразился Д. Менделеев². Возможно, преувеличение силы государственного аппарата – результат перенесения представлений об СССР на дореволюционную Россию. Действительно, СССР по относительному числу чиновников превосходил дореволюционную Россию в 5–10 раз.

В течение XVIII–начала XX в. абсолютная и относительная численность регулярной армии изменялась примерно так же, как численность чиновников, – в абсолютном выражении росла, но относительно населения до середины XIX в. имела тенденцию к росту, а затем к снижению (см. табл. 2).

¹ В таблице 1 речь идет о чиновниках, находившихся на государственной службе, а в данном случае – о чиновниках, находившихся на государственной и общественной службе.

² С этим согласны зарубежные историки: [Starr, 1972, с. 44–50; Velychenko, 1995, с. 188–208; Velychenko, 2001, с. 321–362].

До 1874 г. регулярная, профессиональная армия делала государство более самостоятельным и не зависимым от всех социальных групп населения, поскольку армия, оторванная от общества, – всегда более послушное орудие в руках верховной власти. В 1874 г. рекрутская повинность податных состояний была заменена всеобщей воинской повинностью, а служба стала краткосрочной, офицерство пополнилось разночинцами, что имело далекоидущие последствия: армия намного теснее, чем прежде, стала связана с обществом и меньше – с императором, вследствие чего вышла из его безусловной власти и могла успешно выполнять только такие задачи, которые были понятны и симпатичны офицерам и солдатам. Известный боевой русский генерал и военный теоретик Н. Епанчин, командовавший корпусом в Первую мировую войну, высказал на этот счет интересные соображения: "При армиях современного вида нельзя вести войн авантюристических, династических и вообще таких, цель и значение которых или непонятны народу, или не вызывают его сочувствия" [Епанчин, 1996, с. 168].

Таким образом, как с точки зрения комплектования вооруженных сил, так и с точки зрения ее численности, из приведенных данных можно заключить, что *значение армии как силы, поддерживавшей верховную власть, в XVIII–первой половине XIX в. повышалось, а в пореформенное время снижалось.*

Общественность и государство

С какими группами населения, кроме бюрократии и армии, считалась верховная власть и мнение которых принимала во внимание при проведении политики в XVII–начале XX в.? Другими словами, кто входили в состав общественности? В Московской Руси это были те, кто имели право участвовать в земских соборах: боярство, духовенство, дворянство, посадские люди.

В XVIII–первой половине XIX в. организованное общество включало дворян, интеллигенцию, верхний слой городского сословия – гильдейское купечество и духовенство. В 1870–1913 гг. к общественности можно отнести ценовых граждан, то есть представителей всех сословий, получивших право участвовать в выборах земств и городских дум, а с 1906 г. – в выборах Государственной думы.

В процентном отношении ко всему населению численность общественности достигала в XVII в. около 8%, в XVIII–первой половине XIX в. составляла примерно 4–2,5%, в 1870–1892 гг. – 10%, в 1893–1905 гг. – 7% и в 1906–1917 гг. – до 16%. В то же время социальный состав лиц, входивших в общественность, был достаточно стабилен – дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения [Миронов, 2003, с. 210–211].

Политическая коммуникация в народной среде

В XVII–начале XX в. крестьяне, мещане, ремесленники, мелкие торговцы, рабочие, все другие непривилегированные разряды населения, несмотря на слабое распространение грамотности в их среде, были осведомлены о важнейших событиях, происходивших в государстве, об изменениях в законодательстве, обсуждали их в своем кругу. У народа формировалось мнение по актуальным для него вопросам, причем он хранил память и о важнейших исторических событиях. Политическая полиция, исследовавшая вопрос об источниках слухов, пришла к выводу, что общественное мнение среди народа в дореформенное время (а среди крестьянства и в пореформенное) формировалось не посредством печатного слова, как мнение образованного общества, а *в процессе прямого межличностного общения.*

Среди сектантов информация распространялась организованно специальными людьми, принадлежавшими к их конфессии; среди крестьян, мещан, рабочих людей мнения распространялись стихийно через солдат, духовенство, отходников, странников, богомольцев, нищих, а также через людей, чья профессия требовала частых пе-

редвижений с места на место: скупщиков, офеней, коробейников, косарей, пастухов, бурлаков. Современники называли их "ходячими газетами". Например, писатель С. Максимов писал о них в 1875 г.: "Вот они *живые ходячие газеты* с *внутренними известиями* (курсив мой. – Б.М.); толковые из них даже с курсами и биржевыми ценами" [Максимов, 1987, с. 434].

Сведения разносились на огромные расстояния и довольно быстро. Чиновники-реvizоры в первой половине XIX в. изумлялись скорости, с которой крестьяне узнавали об их прибытии и маршрутах их следования. С появлением железных дорог устная информация стала циркулировать еще быстрее, но механизм формирования и распространения мнений остался прежним. Каждому крупному массовому движению крестьян предшествовала *волна слухов*, которые оперативно передавались без телефона и телеграфа, охватывая многие губернии и тысячи людей [Рахматуллин, 1990, с. 163]. В 1847 г. ложными слухами о даровании свободы всем переселившимся на Кавказскую оборонительную линию было увлечено до 20 тыс. помещичьих крестьян из центральных губерний России [Семевский, 1888, с. 580].

Роль информационных центров играли монастыри, куда в церковные праздники стекались тысячи людей из многих губерний, а также ярмарки и базары, которые регулярно собирались в каждом городе и селе, будучи важными формами торговли. Разносчиками новостей становились тысячи офеней (например в 1860 г. – более 11 тыс.), развозивших и скупавших товар по всей России. Ярмарки служили особенно важным местом формирования общественного мнения как среди крестьян, так и среди городских низов. Именно здесь город встречался с деревней, а крестьяне разных губерний – друг с другом: в конце XVIII в. действовало свыше 3 тыс. ярмарок, в 1860-е гг. – более 6 тыс., а в 1911 г. – 16 тыс., в них принимали участие миллионы человек. До 30-ти ярмарок имели общероссийское значение, на них собирались десятки тысяч людей со всей страны: это Макарьевская, Ирбитская, Коренная, Свенская, Киевская, Рижская, Архангельская, Оренбургская, Иркутская и другие. Расположенные в разных частях России, они вместе с Москвой и Петербургом не только управляли всей торговой жизнью огромной страны, но и служили центрами, где формировалось общественное мнение народа. Уже в последней трети XVIII в. *ярмарки связали всю страну не только в экономическом, но также в информативном и культурном смыслах* [Арутюнов, 1985, с. 45; Миронов, 1981, с. 243–247].

Функцию передачи массовой информации для простолюдинов в городе и деревне выполнял кабак (куда доступ женщинам был фактически закрыт). Особенно важное значение он имел для бедной средстами информации деревни, где стал настоящим сельским клубом. Мужчины собирались там постоянно: зимой часто, летом, ввиду напряженного ритма работ, – реже; кабаки были многолюдны в праздники, но и в будни вечерами там собиралось немало народа. Посетители узнавали новости, текущие цены, здесь заключались сделки и, по русскому обычаю, "обмывались" [Кимбалл, 2004].

Мнения, зарождавшиеся в головах отдельных людей, обсуждались на сельских сходах. Сходы, выработав нечто систематическое, передавали результаты своей интеллектуальной работы через своих членов другим общинам, в другие регионы. Все совершалось *стихийно*, под давлением обстоятельств и нередко в зависимости от простой случайности. Тем не менее из единичных случаев складывалось нечто *постоянное* и в общем своем течении *регулярное*. Благодаря информационным потокам крестьяне, разделенные большими пространствами, в социальном и духовном смысле жили общей жизнью, воспроизводились как огромная социальная группа со своей субкультурой и своим общественным мнением [Шербина, 1885, с. 1–24].

То же следует сказать и о городском простонародье. Крестьянство и городские низы жили в едином информационном пространстве. Этому способствовало то, что общественный и семейный быт крестьянства, с одной стороны, и городских низов – с другой, в мелких и средних городах с числом жителей до 25 тыс. человек был весьма сходен благодаря интенсивным экономическим, культурным и матримониальным свя-

зям между городскими и сельскими жителями, жившими в округе города, и огромным миграционным потокам между городом и деревней, носившим маятниковый характер.

Во многих случаях, когда дело касалось войны, смены монарха и некоторых других событий, близко затрагивавших интересы самодержавия, *правительство пыталось формировать общественное мнение народа сознательно*, используя все доступные ему средства массового воздействия: проповедь священников, внушение местной коронной администрации, авторитет царского имени, распространение слухов и легенд, печатное слово. Иногда это имело успех. Например, правительству удалось создать благоприятное мнение народа относительно русско-турецких войн при Екатерине II, политики по польскому вопросу в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., на Балканах в 1870–1880-е гг. и т.д.

Пресса и печатная литература стали понемногу входить в народную жизнь, начиная с последней трети XIX в., но их влияние на городские низы было значительнее, чем влияние на крестьян, менее образованных и недоверчивых к печатному слову. В 1883 г. сельское население развитой Московской губернии, где проживали 1,3 млн крестьян, выписывало лишь 350 экз. различных периодических изданий, половина из которых приходилась на трактиры, служившие также и читальнями. До начала XX в. общественное мнение крестьянства было в большей степени результатом интеллектуального творчества самого народа, чем городских и иных влияний. Однако последние со временем усиливались. Передача знаний и мнений из привилегированной среды в среду крестьянства существовала всегда, но начиная с последней трети XIX в., приняла небывалые сравнительно с прошлым размеры благодаря росту грамотности, деятельности земств, всеобщей воинской повинности, суду присяжных, развитию отходничества, политической активности радикалов. В народной, лубочной литературе в конце XIX в. и еще более в начале XX в., которую читали по разным оценкам от 5 до 15 млн человек, получили распространение новые идеи, бытовавшие в городе, но плохо совместимые с традиционными ценностями русского крестьянства [Пругавин, 1895, с. 215–216; Рейтблат, 1991; Brooks, 1985, p. 178–210].

Стихийно или сознательно сформированное общественное мнение городских низов и крестьян отличалось однородностью, всеобщностью и не дифференцировалось, как у образованного общества, на множество оттенков, течений, вариантов, так как индивидуализм не успел пустить глубоких корней в их среде. Почти всегда можно было сказать, что крестьяне думают так-то, в то время как интеллигенция, как правило, не сходилась в едином мнении ни по одному важному вопросу. Общественное мнение народа имело позитивную или негативную направленность, когда дело касалось самого народа, православной веры или царя, но, как правило, было индифферентным, когда вопросы выходили за круг его практических интересов, за исключением военных событий, в которых он всегда принимал участие. В XVIII–XIX вв. народ, и в особенности крестьяне, был аполитичным, чего нельзя сказать об интеллигенции.

Итак, городские низы и крестьянство имели свое собственное – поистине *общественное* – мнение по принципиальным вопросам жизни, которое отражало настроение больших социальных групп. Однако государство считалось прежде всего с мнением образованного общества. Мнение народа было менее влиятельным, потому что редко трансформировалось в политические действия, а когда это случалось во время бунтов, забастовок и т.п., эти действия носили стихийный и локальный характер. Но было бы заблуждением полагать, что оно вообще не оказывало влияния на правительственную политику. Например, народное движение масштаба пугачевского мятежа в XVIII–XIX вв. случилось лишь однажды, но о нем никогда не забывали ни власти, ни помещики, ни сам народ. В ходе революции 1905–1907 гг., когда крестьяне и рабочие нашли своих лидеров, точнее, когда просоциалистические партии пошли в народ за поддержкой и получили ее, значение народного мнения невероятно усилилось, хотя верховная власть по инерции видела главных своих противников в образованном обществе и в либеральных политических партиях.

Каналы связи между обществом и государством

Как при отсутствии гласности и при строгой цензуре верховной власти удавалось находить компромиссную, удовлетворяющую большую часть общественности линию в политике, каким образом власть узнавала об общественном мнении и учитывала его?

Служащие государственного аппарата, будучи частью общества, могли, следуя собственному, но широко понимаемому интересу, хотя бы до некоторой степени, удовлетворять его запросы. Чиновники происходили из всех социальных слоев населения, но верхний слой – из поместного дворянства. Например, в 1858 г. в 49 губерниях Европейской России свыше 67% дворянства проживали в деревне и менее 33% – в городе. К рубежу XIX–XX вв. положение изменялось: в 1897 г. лишь 43% дворян оставались в деревне и 57% жили в городе. Активно занимаясь земледелием и промышленностью, они были тесно связаны с рынком, а потому имели представление о настроениях купечества и мещанства. Это обстоятельство, возможно, стало важным фактором политического консерватизма дворянства по двум причинам. С одной стороны объективно, в силу материальных и социальных интересов, представители этого сословия были заинтересованы в сохранении существующего порядка, который обеспечивал им привилегированный статус в обществе. С другой стороны, близко соприкасаясь с крестьянством, купечеством и мещанством, поместное дворянство знало о монархических политических идеалах народа и, по-видимому, находилось под их влиянием. Требования свободы и гражданских прав, раздававшиеся со стороны радикальной и либеральной интеллигенции, естественно, казались большинству дворянства чуждыми русскому народу, искусственно занесенными в Россию с Запада. Возможно, что связь с обществом через лояльное к нему дворянство служила важным фактором политического консерватизма самой верховной власти.

Во все времена и во всех самодержавных государствах важным каналом, связывавшим верховную власть с обществом и народом, являлась политическая полиция. Обоснование ее деятельности – формула "слово и дело государево", существовавшая в XVII в. при первом Романове; политическая полиция чрезвычайно усилилась при Петре I; была реорганизована в такой административный институт, как III отделение в составе собственной канцелярии императора в 1826 г.; вновь преобразована и вошла в состав Министерства внутренних дел как Департамент полиции в 1880 г. Главная цель ее деятельности оставалась неизменной – сбор сведений об общественном мнении, настроениях и потребностях населения. "Общественное мнение для власти, – писал в ежегодном обзоре общественного мнения за 1827 г. шеф жандармов А. Бенкендорф, – то же, что карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту" [Граф... 1929, с. 141]. Через свою не слишком широкую агентурную сеть политическая полиция достаточно квалифицированно изучала общественное мнение во всех сословиях. Число секретных сотрудников за 1880–1917 гг. не превышало 10 тыс. человек, в каждый момент не более 1 тыс. человек [Перегудова, 2000, с. 234–238]; к февралю 1917 г. насчитывалось 40 тыс. секретных агентов – больше, чем активных революционеров [Лурье, 2000, с. 101–134]. Во времена Николая I все чиновники, включая министров, "трепетали перед жандармами, как мальчишки перед розгами", страшась обвинений как в политической неблагонадежности, так и в профессиональной несостоятельности и служебных злоупотреблениях. III отделение в системе самодержавия Николая I и Александра II восполняло отсутствие контролирующих представительных учреждений и, будучи центральным органом политического сыска, оставалось в то же время верховным органом надзора за всем аппаратом исполнительной власти, начиная с министерств.

Политическая полиция не всегда давала объективную оценку состояния общественного мнения. По-видимому, в донесениях полиции все-таки преобладала тенденция к приукрашиванию действительности, поскольку государям больше нравились

"красивые", успокаивающие картинки. В конце 1916 г., накануне свержения царизма, Департамент полиции в своих отчетах создавал излишне оптимистическую картину положения в стране, что влияло на оценку политической ситуации императором и его ближайшим окружением.

Все подданные с 1810 г. официально имели право индивидуальных петиций на высочайшее имя, а дворянство и его сословные организации – еще раньше, с 1775 г. Однако данным средством донесения своего мнения до верховной власти активно пользовались всегда, в том числе в XVIII в., несмотря на формальные запрещения. В 1810 г., после официального санкционирования права петиций, была создана Комиссия по принятию прошений на высочайшее имя, переименованная в 1884 г. в Канцелярию прошений, в 1895 г. – в Канцелярию по принятию прошений. За 1810–1884 гг. в Комиссию поступили 75 тыс. жалоб и 600 тыс. прошений, из которых 26% были удовлетворены, остальные переданы в соответствующие учреждения для рассмотрения; 6,3% наиболее важных прошений докладывались лично государю. Число прошений со временем возрастало: в 1825 г. их поступило 11,6 тыс., в 1893 г. – 21,4 тыс., в 1899 г. – 32,3 тыс., в 1908 г. – 65,4 тыс. В 1908 г. доля лично рассмотренных императором прошений возросла до 12% от их общего числа, и все они были удовлетворены. При этом 26% прошений оказались отклонены, 48% – переданы в другие учреждения [Писарев, 1909, с. 152, 180–181, 217]. Канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя вносила не только свой вклад в надзор за отправлением суда и за соблюдением законов, но и служила важным каналом связи общества с системой самодержавия.

Следует заметить, что до печального убийства Александра II подданные имели возможность личной апелляции к государю при появлении его на публике, в том числе на прогулке, во время путешествий, посещения церкви и т.п. Например, Николай I и Александр II ежедневно гуляли по Дворцовой набережной в Петербурге в определенных и всем известные часы, и желающие могли подать прошения.

В течение всего изучаемого периода общественное мнение доходило до властей через экспертов, которые привлекались в различные комиссии по изучению каких-либо насущных проблем, и эти мнения часто использовались при подготовке правительственных мер или законов. Эта традиция существовала уже в XVII в., когда для получения сведений о мнении населения царь собирал земские соборы. В XVIII в. правительство обращалось к опросу сведущих лиц с помощью местной администрации или посредством анкеты всякий раз, когда возникала какая-нибудь экономическая или социальная проблема. Например, в 1767 и 1787 гг. была опрошена местная администрация о причинах повышения хлебных цен [Мионов, 1972, с. 89–104]. В дореформенное время правительство неоднократно просило высказаться купеческую общественность о предполагаемой реформе городского самоуправления и суда [Мионов, 1993, с. 251–255]. В составлении проектов всех Великих реформ участвовали представители общественности на правах экспертов [Джаншиев, 1900, с. 33–34, 200–204, 251–257, 305–312, 516–520]. В пореформенное время при подготовке многих важных реформ эксперты либо вызывались в столицу, либо опрашивались через местную администрацию или специальными анкетами.

Каналом связи государства с обществом являлись ходатайства и адреса сословных организаций – купеческих обществ, дворянских собраний, после Великих реформ – земств и городских дум и др. Многие из них удовлетворялись или принимались к сведению. В последней трети XVIII в. известное значение приобрела пресса, роль которой непрерывно росла. Нередко использовались и нелегальные способы "контактов" с властями – банкеты, демонстрации, митинги и т.д.

В течение всего изучаемого периода многочисленные придворные торжества и церемонии, поездки государя по стране, встречи с подданными были неотъемлемой чертой государственного быта. Одна из главных их функций состояла в создании возможности неформального, неслужебного общения с подданными. Обычно император во время поездок лично знакомился с местными нуждами, принимал прошения и много-

численные депутации от городов, крестьянских обществ, казаков и нерусских народов данной местности.

Со времен Алексея Михайловича государи оставались усердными читателями сначала зарубежной, а со времени Екатерины II и отечественной прессы. Допущенная в середине XIX в. гласность, несмотря на цензуру, обеспечивала бюрократию и общественность информацией о состоянии дел в стране.

Все каналы связи общества и государства действовали одновременно, но в разное время преобладали те или иные, что в немалой степени зависело от личных склонностей государей. В XVII в. главными каналами связи служили, вероятно, челобитные и Земский собор. В первой половине XVIII в. связь верховной власти и общества осуществлялась главным образом через дворян, которые находились на государственной службе, оставаясь в то же время помещиками, земскими людьми. При Екатерине II на общественную сцену выступила пресса. Императрица лично участвовала в печатной полемике по злободневным вопросам жизни и даже пыталась возглавить общественное мнение через издававшийся ею журнал. Для того, чтобы иметь представление о нуждах и желаниях населения, она весьма искусно использовала наказания депутатам в законодательную комиссию 1767 г.

Очень чуток к общественному мнению был Александр I, всегда им интересовавшийся. После долгих колебаний он принял программу правительственной деятельности, составленную в салоне своей сестры Екатерины Павловны, вокруг которой объединилось влиятельное московское дворянство (программа была написана Н. Карамзиным). Неожиданный способ познакомиться с общественным мнением и прислушаться к нему нашел Николай I. Он начал свое правление с внимательнейшего изучения показаний декабристов, которым были предложены вопросы о целях и намерениях тайного общества, о причинах, побудивших их в него вступить, а также о том, что и почему им не нравилось в существующем порядке вещей. По поручению императора, ответы были систематизированы в следственной комиссии и представлены ему. Выводы, к которым он пришел, послужили основой его нового политического курса. Большое значение он придавал информации тайной полиции, поставленной при нем на уровень последних европейских достижений в этой области.

Со второй половины 1850-х гг., с восшествием на престол Александра II, на первое место среди способов выражения общественного мнения выдвинулась пресса. Государь ежедневно читал не только все главные газеты, но и запрещенный в России "Колокол" А. Герцена, и, как говорили очевидцы, со вниманием относился к тому, что там печаталось. Именно в это время понятие "общественное мнение" стало популярным и обиходным, и главным каналом его проявления как правительство, так и общество считали прессу. Не случайно понятия "печать" и "общественное мнение" употреблялись в качестве синонимов. Император и его правительство мало-помалу попали в сильную зависимость от прессы, поскольку нуждались, во-первых, в информации о состоянии дел, мнении общества, в новых идеях, во-вторых, в общественном доверии и поддержке общества. В 1860-е гг. Министерство внутренних дел ввело в постоянную практику учет критических замечаний, высказанных в прессе в адрес правительства. Эти замечания фиксировались в Главном управлении по делам печати в форме так называемых "министерских обозрений". Все сообщения в прессе о неблагоприятных действиях коронной администрации брались на заметку и проверялись. Если сведения подтверждались, виновные несли наказание, если нет, – публиковалось опровержение в официальной печати. Другие министерства поступали аналогичным образом. Пресса активно использовалась для лоббирования групповых интересов и оказывала серьезное влияние на правительство. Общественные организации, в частности земства, намеренно дистанцировались от государственной администрации. Ярким подтверждением этому может служить отказ в 1894 г. земских служащих от предложения правительства принять статус государственного служащего.

С времен царствования Николая II общественное мнение стало еще активнее влиять на государственную политику. Усилилась печать, большую, чем прежде, роль в

формировании и выражении общественного мнения начали играть земства и городские думы. С 1906 г. важное значение приобрела Государственная дума – рупор политических партий всех направлений (от крайне правых до крайне левых). Общество получило легальную возможность воздействовать на законодательную работу парламента. Правительство не только внимательно следило за изменениями общественного мнения, но и само стало использовать прессу для воздействия на него, в том числе организовывало газеты, а премьер С. Витте использовал прессу для воздействия на Николая II.

В 1785 г. с учреждением дворянских обществ в губерниях общественное мнение, с которым местные власти вынуждены были считаться, стало фактором политики в провинции. В Москве и, вероятно, в других больших городах, в начале XIX в. из-за недостатка отечественных газет дворяне узнавали политические новости через особых информаторов – "нувеллистов", которые, как живая газета, переходили из дома в дом, принося с собой новости, естественно, с собственными комментариями. Повсеместно возникавшие в первой половине XIX в. литературно-музыкальные кружки и салоны оказались теми центрами дворянской общественности, где зарождалась, воспитывалась и развивалась русская мысль и формировалось общественное мнение. Злые языки острословов стали "страшнее пистолета" не только для членов дворянского общества, но и для местной бюрократии. Герцен, имея в виду первую половину XIX в., писал: "Власть губернатора растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири". Он приводит примеры того, как местное дворянское общество сопротивлялось произволу местной коронной администрации и добивалось устранения неугодных администраторов, включая губернаторов. Современник и знаток административных порядков первой половины XIX в., известный юрист А. Лохвицкий делил российские губернии с точки зрения административных злоупотреблений на дворянские и чиновничьи, то есть такие, где имелись или отсутствовали дворянские общества. "Во вторых (чиновничьих губерниях. – *Б.М.*) произвол чиновничий не встречает себе препоны: нет общественного мнения, нет важных должностей, занятых по выбору дворянства, нет общества. Наша жизнь еще не выработала сильного и образованного класса вне дворянства". И само дворянское общество, и коронная администрация считали дворянские собрания рупором общественного мнения. "Дворянство сделалось некоторым образом легальным представителем губернии в противоположность губернатору как представителю государства... Поэтому там, где не было дворянства, общества не существовало: были только чиновники и безличная масса, в которой и городское сословие было мужицким. Такой тип представляют губернии сибирские, Олонецкая, Архангельская и отчасти многие другие. Карта крепостного населения (и, следовательно, распределения поместного дворянства. – *Б.М.*) дает довольно верное понятие об общественной силе различных губерний" [Лохвицкий, 1864, с. 117, 122–123].

Однако и купеческая общественность не была безгласна и даже в дореформенное время также оказывала влияние на коронную администрацию. Когда последняя поступала противозаконно, то встречала отпор. Вот несколько примеров. Городская дума Калуги в 1789–1802 гг. вела борьбу с губернской коронной администрацией за прекращение полицейских поборов и освобождение от незаконного постоя. Длительная тяжба, в которой администрация применила весь набор доступных ей средств, включая шельмование городского головы И. Борисова, закончилась победой думы. Помогло вмешательство высшей администрации. Великолуцкая городская дума 14 лет (с 1804 г. по 1818 г.) боролась с городничими за возвращение отданных ранее в их распоряжение городских земель и старой крепости и добилась своего, используя разные средства: жалобы губернатору, остракизм, угрозы. В конце концов был назначен лояльный к нуждам горожан городничий, удовлетворивших их законные требования.

Общественность находила самые разнообразные способы воздействия на власти. Например, популярная в России в 1997–1998 гг. телепередача "Куклы" имела предшественников еще в царствование Николая I, о чем поведал нам Н. Лесков в "Мелочах

архиерейской жизни". В губернском городе Орле во второй половине 1840-х гг. враждовали губернатор князь П. Трубецкой и преосвященный о. Смарагд. Старшина дворянского клуба отставной майор А. Шульц – душа местного общества, олицетворявший «в своей особе местную гласность и сатиру, которая благодаря его неутомимому и острому языку была у него беспощадна и обуздывала много пошлостей дикого самодурства тогдашнего "доброго времени", устроил на окне своего дома два чучела: красного петуха в игрушечной каске, с золочеными шпорами и бакенбардами и козла с бородой, покрытого черным клубуком. Козел и петух стояли друг против друга в боевой позиции, которая от времени до времени изменялась. В этом и заключалась вся штука. Смотри по тому, как стояли дела князя с архиереем, то есть: кто кого из них одолевал, так и устраивалась группа. То петух клевал и бил взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживал лапою сдвигавшийся на затылок клубук; то козел давил копытами шпоры петуха, поддевая его рогами под челюсти, отчего у того голова задиралась кверху, каска сваливалась на затылок, хвост опускался, а жалостно разинутый клюв как бы вопиял о защите. Все знали, что это значит, и судили о ходе борьбы по тому, "как у Шульца на окне архиерей с князем дерутся". Это был первый проблеск гласности в Орле, и притом гласности бесцензурной... Не наблюдать за *фигурами* было невозможно, потому что бывали случаи, когда козел представлял очам прохожих с аспидною дощечкою, на которой было крупно начертано: "П-р-и-х-о-д", а внизу, под сим заголовком, писалось "такого-то числа: взял сто рублей и две головы сахару" или что-нибудь в этом роде... Предпринять против этого ничего нельзя было, так как против устроенного органа гласности не действовала ни предварительная цензура, ни система предостережений». И "шутовские органы гласности" сильно действовали, – отмечает Лесков. По крайней мере, то несомненно, что "крутой из крутых и смелый до дерзости архиерей их серьезно боялся" [Лесков, 1957, с. 402–408].

Интересную историю об отношениях губернатора с местным дворянством рассказал в своих записках Э. Стогов – жандармский офицер эпохи Николая I, служивший в 1830-е гг. в Симбирской губернии. Местные дворяне, по его словам, были "горды, дружны и единодушны", и губернаторы по этой причине находились под контролем общественного мнения. Три губернатора подряд оставили свой пост из-за конфликта с местным дворянством. А. Загряжский, губернатор в 1831–1834 гг., пустил слух, что он соблазнил княжну Баратаеву. Клевета вызвала столь бурный протест, что его немедленно уволили со службы. Второй губернатор И. Жиркевич (1834–1837 гг.) ушел в отставку также из-за разлада с дворянством, к которому он не питал должного уважения. Общество оценило его поведение как недостойное, и он вынужден был оставить пост. Третий губернатор И. Хомутов (1838–1839 гг.) пострадал из-за своей жены, которая в узком кругу сказала, что симбирское дворянское общество мелко для нее, аристократки. Ее слова вызвали дружную оппозицию со стороны дворянства к мужу. Губернатор хотел помириться с обществом и устроил бал и обед на 70–80 человек. Но дворяне, сговорившись, не явились на бал и нарочно, дразня губернатора, всю ночь гоняли мимо его дома пустые кареты. Хомутова перевели в Вятскую губернию, где было мало дворянства [Стогов, 2003, с. 127, 131–132, 171–172].

С учреждением новых городских дум и земств губернаторы были вынуждены еще более прислушиваться к общественному мнению не только дворянства, а всего городского общества. Чтобы успешно справляться со своими обязанностями, следовало проявлять большое дипломатическое искусство, ибо губернатору приходилось считаться не только с центром, представителями министерств в губернии, но "обхаживать" и "обрабатывать" лидеров земств, городских дум, дворянских собраний и прессы. О зависимости бюрократии от общественного мнения красноречиво, на мой взгляд, свидетельствует заинтересованность руководителей местной и центральной коронной администрации в получении звания почетного гражданина города по представлению органов местного самоуправления. С 1863 по 1915 г. было присвоено более двух тысяч званий почетного гражданина города [Нардова, 1998, с. 171–182]. Даже если главным мотивом являлось стремление обратить на себя внимание высочайшей

власти, все равно чиновникам, желающим приобрести это звание, приходилось добиваться расположения и уважения городских обществ.

Народ доводил до властей свое мнение, главным образом, через жалобы, доносы и бунты. Жалобы на администрацию подавались в инстанционном порядке: на низшую администрацию – в высшую, на высшую – в Сенат. Во все инстанции ежегодно их поступали многие тысячи. Жалобы брались на заметку, проверялись и в случае подтверждения виновные наказывались. Хотя процедура требовала много времени, нельзя сказать, что этот канал связи не действовал и был бесполезен. Среди разновидностей жалоб выделялся донос. Он означал не личную жалобу как таковую, а сообщение представителям власти о неблагоприятных поступках официального лица, и он мог быть как анонимным, так и подписным. В принципе публика осуждала только тайные, или анонимные, доносы. Как бы ни относиться к доносам, нельзя не признать, что они до некоторой степени компенсировали недостаток контроля за работой коронных чиновников со стороны прокуратуры и суда, которые в правовых государствах защищают интересы граждан от злоупотреблений администрации, и давали простому обывателю возможность некоторой доли контроля за деятельностью органов власти. К доносам люди (отнюдь не всегда интриганы или негодяи) обращались обычно тогда, когда не имели другого средства воздействия на администрацию. Власти рассматривали их и как важный источник информации об общественных настроениях, и как эффективное средство обнаружения недостатков, относились к ним очень серьезно: фиксировали, проверяли и принимали меры.

Разумеется, доносы использовались для сведения личных счетов, по интриганским или корыстным соображениям (кстати, в упомянутом романе Лескова есть примеры и такого рода). Однако очевидно, что они выполняли и полезные для государства функции в условиях отсутствия гражданских свобод и легальных возможностей контролировать работу органов государственной власти со стороны рядовых граждан. Не случайно с появлением в России после Великих реформ гласности, справедливого и быстрого суда, административной юстиции количество анонимных доносов резко пошло на убыль, и само слово "донос" стало нарицательным, хотя число жалоб увеличилось. Народ перестал бояться и жаловался на то, что прежде считал нормальным, апеллировал в те инстанции, куда прежде не решался обращаться, вплоть до императора.

Лишь в 1906 г. граждане России получили легальную возможность выражать свое мнение с помощью забастовок, митингов, демонстраций. Но этими средствами они нелегально пользовались всегда. Бунты в городе и деревне служили для народа важнейшим каналом для выражения своего негативного отношения к официальной политике, которую народ ассоциировал не с государем, а с административным аппаратом. Нужно сказать, что верховная власть большей частью адекватно реагировала на бунты и вносила поправки в свою политику. Например, после пугачевского мятежа в 1773–1775 гг. правительство почти на 25 лет прекратило повышение налогов, несмотря на инфляцию; помещики также не повышали ренту. Под влиянием крестьянского движения 1905–1906 гг. земельная аренда понизилась, а зарплата сельскохозяйственных рабочих повысилась, что принесло крестьянам доход в 100 млн руб. и понизило доходы помещиков на 20% [Прокопович, 1907, с. 45–46, 51]. После массовых беспорядков 1905–1907 гг. правительство отменило выкупные платежи, разрешило рабочим создание профсоюзов и т.п.

Народные бунты были моментами истины для верховной власти, способствовали не расшатыванию, а укреплению существовавшего режима. Во-первых, бунты служили своего рода спасательными клапанами, через которые недовольство выходило наружу и реализовывалось в разрушениях, убийствах чиновников, помещиков и других лиц, в чем-то провинившихся перед народом и виноватых в его тяжелом положении. Это временно освобождало народ от негативных чувств в отношении к существующему порядку, бюрократии и дворянству, создавало предпосылки для наступления новой фазы «терпения и ожидания. Во-вторых, администрация устраняла самых активных из недовольных (ссылка, тюрьма, казнь), что устрашало народ и лишало его

лидеров. Наконец, верховная власть вносила поправки в порядок управления, в социальные отношения, что укрепляло систему. После бунтов 1648 г. – новый свод законов и реформы; после Пугачева – реформа местного управления; после восстания декабристов – реформа государственной деревни, подготовка отмены крепостного права, изменение экономической политики и т.д.; после революции 1905–1907 гг. – столыпинская реформа, масштабные политические преобразования. Фабричное законодательство 1880–1900-х гг. было ответом на растущее рабочее движение.

Добровольные ассоциации

До реформ 1860–1870-х гг. податное городское население и крестьяне *принудительно* объединялись в социальные корпорации – приходы, сельские, слободские и посадские общины, цехи, мещанские и купеческие общества, купеческие гильдии и др., а в добровольных объединениях, или ассоциациях, практически не участвовали. Напротив, неподатное население (дворянство, духовенство, разночинцы) не знало принудительных социальных корпораций, а начиная с последней трети XVIII в. стало создавать разного рода добровольные ассоциации – общества, клубы, салоны, ложи. Добровольной ассоциации свойственны три основные черты: 1) образована для защиты общих интересов ее членов; 2) не связана с местными или центральными государственными органами власти; 3) членство является добровольным. В екатерининское царствование появились первые ассоциации различных типов: просветительские и образовательные общества, призванные пропагандировать общепользные знания (Вольное экономическое общество), ассоциации для совместного времяпрепровождения (Английский клуб в Петербурге и Москве), а также тайные общества (масонские ложи). Именно в екатерининское царствование в России начинается генезис гражданского общества. И это не случайно: возникновение добровольных обществ – признак зарождения гражданского общества.

До Великих реформ ассоциации развивались медленно по причине трудности их создания (требовалось разрешение императора), но главным образом из-за слабости общественной инициативы. В 1860-е гг. утверждение уставов обществ переходит к министрам, с середины 1890-х гг. – к губернаторам. В 1906 г. Временные правила об обществах и союзах ввели явочный порядок открытия обществ и административный порядок их регистрации, запрещения и закрытия. Специально учрежденные в губерниях по делам об обществах присутствия, составленные из представителей коронной администрации, земского и городского самоуправления, регистрировали, контролировали, приостанавливали и закрывали общества, если их деятельность отклонялась от их устава. В апреле 1917 г. был введен судебный порядок регистрации и закрытия [Туманова, 2002, с. 91–92, 169].

Облегчение учреждения обществ и рост общественной инициативы способствовали увеличению их числа: в середине XIX в. добровольных обществ (благотворительные, религиозные и студенческие организации, клубы и др.) насчитывалось несколько десятков, в 1910 г. – более 5 тыс. В пореформенное время значение принудительных корпораций падало, а добровольных объединений возрастало; декорпорирование общества совпало с эмансипацией и развитием добровольных ассоциаций. И это тоже не случайность – ассоциации стали заполнять возникающий организационный вакуум, вызванный упадком принудительных корпораций.

Для удобства характеристики разделим ассоциации на *семь групп*: ассоциации, связанные с церковью; общества взаимопомощи и экономические ассоциации; благотворительные и попечительские общества; общества в сфере искусства и культуры; научные, культурно-просветительские, краеведческие и ассоциации профессионального совершенствования; клубы и общества по проведению семейного досуга; тайные политические и религиозные ассоциации. За небольшими исключениями они концентрировались в городах и возникали по инициативе снизу, без непосредственного вмешательства местной власти, а некоторые при ее поддержке. Источниками их финан-

сирования были добровольные членские взносы, благотворительные акции, частные пожертвования. Казенные дотации случались редко и предназначались на конкретные дорогостоящие проекты, имеющие государственную значимость.

Численность отдельных ассоциаций колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек. В городах Казанской губернии пореформенного времени источники зафиксировали около 100 ассоциаций, включавших в свои ряды от 60 до 1200 человек, в губернском городе Тамбове в конце XIX–начале XX в. действовало 69 ассоциаций численностью от нескольких десятков до тысячи членов [Туманова, 1999, с. 135]. Во всей России только за 1906–1909 гг. было основано около 5 тыс. ассоциаций [Степанский, 1979, с. 73]. Средняя численность двадцати казанских обществ в начале XX в. составляла 190 человек [Зорин, Ключина, 2000, с. 416–467]; все 100 обществ за 1861–1914 гг. вовлекли в свой состав не менее 24 тыс. членов; при этом многие, в особенности почетные члены и учредители, участвовали одновременно в нескольких обществах. Даже в больших городах (например, в Казани с населением 190 тыс. человек) в начале XX в. в списках всех элитных клубов и обществ числились лишь около двух тысяч человек, то есть менее 5% совершеннолетнего мужского населения города [Хэфнер, 2000, с. 467, 494]. Интересно, что это примерно соответствовало доле цензовых граждан, имевших избирательные права по выборам в земства, городские думы и Государственную думу. В Австро-Венгрии 1856 г. насчитывалось 2,2 тыс., а в 1910 г. – 85 тыс. ассоциаций [Хэфнер, 2000, с. 480]. В современных США, которые издавна считаются страной добровольных ассоциаций, более 75% взрослых американцев обоюбого пола входят по крайней мере в одну из 2 млн [Смелзер, 1994, с. 172; Крашенинникова, 2007, с. 344]. Но в США первые добровольные ассоциации появились в начале XVII в. вместе с первыми колонистами. Уже в 1835 г. А. де Токвиль свидетельствовал, что ни в одной стране мира принцип ассоциации не применяется так успешно и не охватывает столько людей, как в Америке.

В России ассоциации взяли на себя некоторые общественные функции, которые до Великих реформ находились в ведении государства, – образовательную, просветительскую, социальную, благотворительную и другие; постепенно осваивали и политическую функцию. Дворяне, чиновники, предприниматели и лица свободных профессий, интегрированные в объединения, формировали средний класс – элемент новой классовой социальной структуры, которая не ориентировалась больше на сословное определение социального статуса. Можно сказать, что ассоциации выполняли функцию тигля, где выплавлялся средний класс – ядро гражданского общества.

В ассоциациях осуществлялась общественная деятельность (к которой, безусловно, следует отнести и досуг), не обусловленная ни принудительной принадлежностью к корпорации, ни государственными или сословными обязанностями, ни круговой ответственностью. Они играли важную роль образовательных учреждений; это были школы свободной, добровольной, индивидуальной деятельности в обществе. Поскольку все ассоциации в пореформенное время придерживались общих для них принципов свободного членства, демократизма и гласности, то их члены имели постоянную возможность использовать демократические процедуры, такие как участие в собраниях, баллотировка, публичные выступления, выборы, утверждение устава или бюджета, обязательная отчетность, контроль, отстаивание групповых интересов, поиск компромиссов и т.д. Конечно, некоторые демократические процедуры использовались и в принудительных корпорациях, однако не столь четко, ясно, правильно и формально. Знание демократических практик, несомненно, применялось членами ассоциаций, когда они начинали заниматься общественной деятельностью.

Влияние общественности на власть

Каждая крупная социальная группа имела собственное мнение о важнейших событиях в государстве, об актуальных проблемах действительности, и это мнение оказывало влияние на государственную политику, что помогало верховной власти находить

общий *modus vivendi*. Представление об отрыве политики верховной власти от интересов общества и общества от политики на протяжении всего императорского периода нуждается в корректировке, хотя оно широко распространено в исторической литературе и разделяемо многими авторитетными историками.

Анализ взаимоотношений между обществом и государством, если отвлечься от придворной суеты и интриг, второстепенных дел и назначений и принимать во внимание принципиальные политические решения, позволяет сделать несколько предварительных выводов. На протяжении императорского периода верховная власть сравнительно редко игнорировала желания большинства дворянства, верхов буржуазии и образованных слоев, которые в ее глазах олицетворяли общество и общественное мнение. Тактические ошибки были нередки, но если верховная власть шла наперекор желанию большинства и это не приводило в конце концов к общественному благу (как было в случае с Петром I), то она была вынуждена отказываться от своих планов и идти на уступки (Екатерина II, Александр I, Александр II, Николай II). Если же она этого не делала, то государи или фактические правители теряли власть, престол, а часто и жизнь (Э. Бирон, А. Меншиков, Петр III, Павел I). Нельзя отрицать, что верховная власть, как правило, оказывалась настолько благоразумной, что, осознав неизбежность уступок общественности, на них соглашалась. Вот и в 1917 г. царю хватило здравомыслия практически без сопротивления отречься от власти вообще.

* * *

Подведем итоги. Соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, долгое время обеспечивало социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике и долгую жизнь самодержавию. Соотношение сил между государством и общественностью изменялось параллельно с изменением силы органов государственной власти и общественного самоуправления: до 1861 г. сила коронной администрации росла, после Великих реформ – снижалась.

Главная причина противостояния общественности и государства в пореформенное время состояла в борьбе за власть. Изменение соотношения сил в пользу общественности вызвало опасение коронной бюрократии потерять свое доминирующее положение в управлении государством и желание общественности, чтобы император и правительство поделались с нею властью пропорционально фактическому соотношению сил. В допетровский период все население было носителями одной политической культуры, но с XVIII в. вследствие европеизации политическая культура социальных верхов и низов стала отличаться, консенсусная политическая культура трансформировалась в конфликтную. Фрагментация общества – характерная черта российского социума. Она усиливала его зависимость от верховной власти, обеспечивала последней самостоятельность и позволяла проводить сбалансированную надсословную политику, опираясь на охранителей и консерваторов, уступая либералам и подавляя радикалов.

Генезис гражданского общества относится к последней трети XVIII в., а к 1917 г. сформировались его основные элементы: масса добровольных общественных ассоциаций, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, политические партии, парламент. Российское общество с начала XVIII в. до октября 1917 г. прошло путь от объекта до субъекта государственного управления. Одновременно общественность расширила свои социальные границы от привилегированных социальных групп до всего народа.

Политический процесс в XVII–XX вв. претерпел кардинальные изменения вследствие того, что исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам

массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе.

Политическая модернизация России в период империи не завершилась: общество и государство не приобрели способность разрешать любые проблемы мирным путем, находить консенсус с помощью компромисса и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. В 1917 г. политическая модернизация оборвалась вследствие того, что в России в период империи сложился раздираемый антагонистическими противоречиями двухкультурный социум, который не выдержал испытаний Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995.

Гольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб., 1881.

Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 37.

Джанишев Гр. Эпоха Великих реформ. М., 1900.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

История русской литературы. В 4 т. Т. 1. Л., 1980.

Кимбалл А. Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

Крашенинникова В. Россия и Америка – холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007.

Лесков Н. Собр. соч. В 11 т. Т. 6. М., 1957.

Лохвицкий А.В. Губерния: ее земские и правительственные учреждения. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1864.

Лурье Ф.М. Политическая полиция Российской империи // Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. Ежегодник “Английская набережная, 4”. СПб., 2000.

Максимов С.В. Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М., 1987.

Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1906.

Милюков П.И. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995.

Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII–первой половине XIX в. Л., 1981.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб., 2003.

Миронов Б.Н. Статистическая обработка Сенатской анкеты о причинах повышения хлебных цен // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.

Нардова В.А. Институт почетного гражданства городов в дореволюционной России (Правовой аспект) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

Пережудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.

Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910. СПб., 1909.

Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.

Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб., 1907.

Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895.

Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.

Романенко Л.М. Гражданское общество (социологический словарь-справочник). М., 1995.

Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб., 1912.

- Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2 т. Т. 2. СПб., 1888.
- Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
- Степанский А.Д.* Материалы легальных общественных учреждений Царской России (середина XVIII в.–февраль 1917 г.) // Археографический ежегодник. 1978. М., 1979.
- Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003.
- Туманова А.С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.
- Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.
- Хэфнер Л.* “Храм праздности”: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани: 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
- Щербина Ф.* Передача и обращение народных знаний // Устой. 1885. № 5. Энциклопедия государства и права. В 3 т. Т. 2. М., 1926.
- Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
- Mironov B.N.* Bureaucratic- or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. №. 2. Summer.
- Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution: 1881–1917. London–New York, 1983.
- Starr S.F.* Decentralization and Self-Government in Russia: 1830–1870. Princeton, 1972.
- Velychenko St.* Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *Russian Review*. 1995. Vol. 54. № 2.
- Velychenko St.* The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. Bd. 49. H. 3.

© Б. Миронов, 2009